

УДК 811.511

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАФИННО-УГОРСКОГО СУФФИКСА -ŋ В МОРДОВСКИХ, ХАНТЫЙСКОМ И МАНСИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Д. В. Цыганкин

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Рассматриваются потенциальные возможности финно-угорского (уральского) словообразовательного суффикса -ŋ в мордовских, хантыйском и мансийском языках. Доказывается его генетическое родство в названных языках, анализируются основные семантические функции. Прослеживаются фонетические изменения, которым суффикс подвергся в мокшанском языке.

К л ю ч е в ы е с л о в а: словообразовательный суффикс, потенции суффикса, хантыйский язык, мансийский язык, мордовские языки.

D. V. Tsygankin. THE WORD BUILDING POTENTIAL OF THE PROTOFINNO-URGIC SUFFIX -ŋ IN MORDVIN, THE KHANTY, AND THE MANSI LANGUAGES

The paper considers the potential the Finno-Ugric (Uralic) word-building suffix -ŋ has in Mordvin, the Khanty and the Mansi languages. Its genetic affinity in the named languages is proved, and the main semantic functions are analyzed. The phonetic modifications the suffix has undergone in the Moksha language are traced.

K e y w o r d s: word-building suffix, suffix potential, the Khanty language, the Mansi language, Mordvin languages.

Сравнительное изучение финно-угорских языков исходит из той предпосылки, что общность происхождения не предполагает структурного сходства на всех уровнях родственных языков. При сравнительно-типологическом изучении в первую очередь возникают вопросы о соотношении генетического и структурного.

Условия формирования языков финно-угорских народов и конкретные процессы развития каждого языка затенили многие черты первоначальной генетической общности, но сохранили знаковые особенности, реализующиеся в системах современных финно-угорских языков.

Сравнительное изучение, например, мордовских, хантыйского и мансийского языков позволяет обнаружить в их словообразовательных системах ряд структурно-генетических, а в некоторых случаях и типологических совпадений. Сходство словообразовательных построений проявляется, например, при анализе производных прилагательных, образованных посредством суффикса -ŋ.

В данной статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ производных с суффиксом -ŋ с целью выявления его словообразовательных потенций, что даст возможность найти то общее, что генетически роднит эти языки.

э. д.	мр.	уд. д.	см.	х.	мн.
čoj «пена»	šoj «пена»	šajga «галка»	iŋŋ «лед»	čəŋk ¹ «жара»	jaŋk «лед»
koŋ «луна»	čaŋa «галка»	ruŋ «конец»	rāŋŋ'k «уздечка»	jəŋk «вода»	ruŋk «зуб»
kiŋ'eŋ «береза»	oj «грудь»	diŋ «комель»	raŋŋ'k «тело»	ʃunəŋ «подмышка»	lātəŋ «слово; весть»
ruŋ «зуб»	čyŋgaš «клевать»	čaŋ «набат»	rīŋŋk «ветер»	čaŋkta «расти»	raŋx «мухомор»
eŋ «лед»	mōŋgeš «обратно»	c'ijkaš «бровь»	jūŋŋk «нога»	jōŋk «лед»	s'ūŋ «угол (острый)»

Словообразовательный суффикс *-ŋ* восходит к финно-угорской лингвистической общности [Основы..., 1974. С. 37–38]. Из современных финно-угорских языков он сохранился в словообразовательных системах мордовских (эрзянского), хантыйского и мансийского языков.

При этом следует отметить и то, что в финно-угорском языке-основе был особый согласный *ŋ*, который сохранился в структуре непроизводного слова в эрзянских говорах [Марков, 1961], саамском (К), кукморском диалекте удмуртского языка [Кельмаков, 2003], марийском, хантыйском и мансийском языках. Из остальных финно-угорских языков он исчез, оставив после себя другие согласные [Лыткин, 1957; Кельмаков, 2003]. В таблице приведены примеры слов, в структуре которых (за исключением начального слога) сохранился *ŋ*.

Вернемся, однако, к словообразовательному суффиксу *-ŋ*, который, используя потенциальные возможности в каждом из сравниваемых языков, образует прилагательные и существительные:

1. Прилагательные от существительных со значениями «изобилующий чем-либо», «обладающий чем-либо»:

ф.-у. * *were* > э. *ver'*, м. *ver* «кровь» → э. д. *ver'əŋ*, э. л. *ver'ev*, м. *veri*² «кровавый; кровянистый; окровавленный» – х. *vər* «кровь» → *wərəŋ* «кровянистый; окровавленный»

ф.-у. * *puna-* > э., м. *pona* «волос; шерсть» → э. д. *ponaŋ*, э. м. *ponav* «волосатый; мохнатый» – х. *puŋ* «волос; шерсть; перо» → *puŋəŋ* «мохнатый; покрытый шерстью, волосами, пером» – мн. *puŋ* «перо (птицы); пух; мех; шерсть» → *puŋiŋ* «пушистый; косматый»

ф.-у. * *woje* > э. *voj*, м. *vaj* «масло» → э. д. *ojejəŋ*, э. л. *oev*, м. *oju* «масляный; маслянистый» – х. *woj* ~ *wōj* «жир, сало (нутряное)» → *wojaŋ* ~ *wōəŋ* «жирный» – мн. *woj* «жир; сало; масло» *wojiŋ* «жирный»

ф.-у. * *kiwe* > э., м. *kev* «камень» э. д. *kevejəŋ*, э. л. *kevev*, м. *kevi* «каменистый» – х. *kōj*³ ~ *kāw* «камень» → *kōkkəŋ* ~ *kawəŋ* «каменистый; комковый»

ф.-у. * *wete* > э., м. *ved'* «вода» → э. д. *ved'ejəŋ*, э. л. *ved'ev*, м. *ved'u* «водянистый» – мн. *wit* ~ *wit'* «вода» → *witiŋ* ~ *witəŋ* «водянистый; мокрый; сочный»

ф.-у. * *sawe* > э. *s'ovon'*, м. *s'ovan'* «глина» → э. д. *s'ovon'ejəŋ*, м. *s'ovon'u* «глинистый» – мн. *sul'i* «глина» → *sul'iŋ* ~ *sul'əŋ* «глиняный»

ф.-у. * *luwe* > э., м. *lov-* (> э. *lovaža* «кость», м. *lovaža* «труп») → э. д. *lovažəŋ*, э. л. *lovažav* «костистый; костлявый» – х. *lōŋ* ~ *tōŋ* «кость; скелет» → *lōkkəŋ* ~ *tōkkəŋ* «костистый; костлявый» – мн. *luw* «кость» → *luwiŋ* «костлявый; костяной»

ф.-у. * *kala* > э., м. *kal* «рыба» → э. д. *kaləŋ*, э. л. *kalov*, м. *kalu* «богатый рыбой» – х. *kul* ~ *kūt* «рыба» → *kuləŋ* ~ *kūtəŋ* «рыбный; обильный рыбой» – мн. *xul* ~ *xūl* «рыба» → *xūliŋ* «многорыбная река» [Ромбандеева, 1973, С. 87].

ф.-у. * *sōme* > э., м. *s'av* «ость (тонкий, длинный усик на колосковой чешуе многих злаков); кость (рыбья)» → э. д. *s'avoŋ*, э. л. *s'avov*, м. *s'avu* «остистый» – х. *sam* ~ *som* «чешуя» → *saməŋ* ~ *soməŋ* «чешуйчатый» – мн. *sam* ~ *sām* «чешуя (рыбы)» *samiŋ* «чешуйчатый»

¹ ə – переднерядный, неогубленный редуцированный гласный, акустически напоминающий звук, промежуточный между гласными (э) и (ы).

² i – заднерядный неогубленный согласный (ы).

³ γ – звонкий заднеязычно-увольярный щелевой согласный.

- ф.-у. * *noppe* > э., м. *nup-* (> э. *nuron'*, м. *nurəp'* «мох») → э. д. *nuron'ej*, э. л. *nuron'ev*, м. *nuron'u* «обильный мхом» – х. *n'or* «топь; трясина; грязь» → *n'orəj* «топкий с трясинами (например, о болоте)»
2. Прилагательные от существительных с общим значением «наделенные тем, что названо производящей основой»:
- ф.-у. * *wäke* > э., м. *vij* «сила; могущество» → э. д. *vijej*, э. л. *vijev*, м. *viji (viju)* «сильный; могущественный» – х. *wõγ* «сила» → *wökkəj* «сильный» – мн. *wag* «сила» → *wagij* «сильный; мощный»
- ф.-у. * *pije* > э., м. *rej* «зуб» → э. д. *pejej*, э. л. *pejev*, м. *reju* «зубастый» – х. *põjk* «зуб; зубец» → *põjkəj* «зубастый» – мн. *pujk ~ päjk* «зуб» → *pujkij* «зубастый»
- ф.-у. * *sōla* > э., м. *sal* «соль» → э. д. *saloj*, э. л. *salov*, м. *salu* «соленый» – х. *sälna ~ sälna ~ sätt* «соль» → *sälnaej ~ söttəj* «соленый» – мн. *solwal* «соль» → *solwajij* «соленый»
- ф.-у. * *sarnε* > э. *sir'n'e* «золото» → э. д. *sir'n'ej*, э. л. *sir'n'ev* «золотой; золотистый» – х. *särn'a ~ sörn'e* «золото» → *sürn'a ~ sorn'ej* «золотой» – мн. *sorn'i* «золото» → *sorn'ij ~ surn'əj* «золотой»
- ф.-у. * *omte* > э. *undo*, м. *unda* «дупло» → э. д. *undoj*, э. л. *undov*, м. *undu* «дуплистый» – х. *ompi* «дупло дерева, где гнездятся утки» → *ontəj ~ ompəj* «дуплистый» – мн. *umpi* «дупло» → *umpij* «дуплистый»
- ф.-у. * *säje* > э. *sij* «гной» → э. д. *sijej*, э. л. *sijev* «гнойный» – мн. *saj ~ säj* «гной» → *sajij* «гнойный»
- ф.-у. * *jäje* > э., м. *ej* «лед» → э. д. *ejej*, э. л. *jev*, м. *ēju* «ледянистый» – х. *jõjk* «лед» → *jõjkəj* «ледянистый; со льдом» – мн. *jajk ~ jänk* «лед» → *jajkij ~ jänkəj* «ледяной»
- ф.-у. * *tulka* > э., м. *tolga* «перо (птицы)» → э. д. *tolgaj*, э., м. *tolgav* «перистый» – х. *tõjal ~ tõjat* «крупное перо с крыла или хвоста» → *tõləj ~ tõtəj* «крылатый» – мн. *towil* «крыло» → *towilij* «крылатый»
- ф.-у. * *pilwe ~ pilje* > э. *pel'* «туча; облако» → э. д. *pel'ej*, э. л. *pel'ev*, м. *pel'i* «облачный» – х. *peləj ~ petəj* «облако; туча» → *peləej ~ petəej* «облачный; пасмурный (о погоде)» – мн. *tul* «облако» → *tulij* «облачный; пасмурный»
- ф.-у. * *künče* > э., м. *kenže* «ноготь» → э. д. *kenžej*, э. л. *kenžev*, м. *kenži* «когтистый» – х. *künč¹ ~ künš* «ноготь; коготь» → *künčəj ~ künšəj* «когтистый» – мн. *kons ~ käns* «ноготь; коготь» → ∅²
- ф.-у. * *kompа* > э. *kumba* «волна» → э. д. *kumbaej*, э. л. *kumbav* «волнистый» – х. *ķump ~ ķomp* «волна; вал (на воде)» → *ķumpəj ~ ķompəj* «волнистый» – мн. *xump* «волна» → *xumpij* «волнистый»
- ф.-у. * *kūse* > э., м. *kuz* «ель» → э. д. *kuzoj*, *kuzov*, м. *kuzu* «еловый» → х. *ķot* «ель» → *ķotəj* «еловый», мн. *xowt* «ель» → *xowtij* «еловый»
- ф.-у. * > *teške* э. *t'ikše*, м. *t'iše* «трава» → э. д. *t'ikšej*, э. л. *t'ikšev*, м. л. *t'iši* «травянистый; покрытый травой» – х. *tus* «борода; усы» → *tusəj* «бородатый; усатый», мн. *tus* «борода» → *tusij* «бородатый»

В эту же группу можно отнести хантыйские и мансийские производные прилагательные с суффиксом *-ij*, не имеющие прямых производных соответствий в мордовских языках, хотя производящая основа в ряде случаев известна в качестве самостоятельного слова или в виде основы в глагольных образованиях:

- х. *kol* «щель» → *koləj* «щелеватый, щелевой, щелистый»; э., м. *kol-* (> *kol'gems* «течь, протекать»)

- х. *wer* «дело; работа» → *werəj* «деловой, дельный»; э. *ver-* (> *ver'ged'ems* «зажечь; высечь огонь»)

¹ ÿ – огубленный краткий гласный (у).

² ∅ обозначает отсутствие производного.

• х. *tas* «богатство; имущество; добро» → *tasəj* «богатый», мн. *sol* «богатство» → *solij* «богатый» – э. *taš-* (> *taštams* «копить, накопить; сберечь; экономить»)

• х. *pīn* «бородавка; родимое пятно» → *pīnəj* «бородавчатый»; э. *pin'-* (> *pin'en'čecej* «ячмень на глазу»)

• х. *qin'* ~ *ken* «заразная болезнь» → *qin'əj* ~ *kenəj* «больной; хворый»; э. *kin'-* (> *kin'et'ems* «чесаться»)

• х. *wat* «ветер» → *watəj* ~ *wotəj* «ветренный» – мн. *wot* ~ *wōt* «ветер» → *wotij* ~ *wotəj* «ветренный» – э., м. *varma* «ветер» → э. д. *varmaj*, э. м. *varmav* «ветренный»

• х. *qotl* ~ *kat* «день; солнце» → *katəj* «солнечный», мн. *xotal* «солнце; день» → *xotalij* ~ *xotal'əj* «солнечный» (э. *čī*, м. *šī* «солнце; день» < **keče*)

3. Существительные от существительных со значением предназначения. В мордовских языках в некоторых соответствиях обнаруживается лишь первый член словообразовательной пары, второй – отсутствует:

• х. *kōt* ~ *kāt* «рука» → *kōtəj* «повитуха, повивальная бабка», мн. *kat* «рука» – Ø, – э. *ked'*, м. *kād'* «рука» → Ø

• х. *n'al* ~ *n'at* «стрела; дробь; пуля» → *n'aləj juj* «шомпол», мн. *n'al* «стрела» → Ø, – э., м. *nal* «стрела» → Ø

• х. *pəl* ~ *pət* «ухо; слух» → *pələj* ~ *pətəj* «наушник; ручка (кастрюли, чайника)», мн. *pal'* ~ *päl'* «ухо» → *päl'əj* ~ *pal'ij* «чуткий; ушастый» – э., м. *pile* «ухо» → Ø

• х. *paŋ* ~ *pāj* «палец» → *paŋəj* ~ *pājəj* «перчатка» – мн. *tul'owij* «палец» → *tul'owijij* «перчатка»

• х. *ilt* «вязь между копыльями саней» → *iltəj juj* «спинка у розвальней, скрепленная вязью»

• х. *qōn* «живот, брюхо» → *qōnəj* «беременная» → э. *kun-* (> *kunst* «навзничь»)

• мн. *mos* «болезнь; хворь» → *mosij* «хилый; больной» – х. *moč* ~ *moš* «болезнь; боль; недуг» → *močəj* «хворый; больной; страдающий недугом»

• х. *jump* «дуновение, порыв ветра» → *jumpəj* «завихрение» – э. *juv-* (> *juvodems* «веять; провеять»)

В эту же группу следует отнести угорские образования-номинанты, первым компонентом которых является производное прилагательное с суффиксом *-ŋ*, а вторым – существительное:

• мн. *qet* «ночь» → *qetaj hotal* «сутки»

• мн. *jurt* «друг; товарищ» → *jurtij n'awramij* «близнецы»

• х. *jiməj* «святой; священный» → *jiməj qotl* «праздник»

4. Прилагательные от существительных, обозначающие признак (позитивный или негативный) по наличию в данном предмете:

• х. *jōr* «гордость; спесь; надменность» → *jōrəj* «гордый; горделивый; спесивый; надменный» – мн. *jur* «гордость» → *jurij* ~ *jorəj* «гордый»

• х. *jāyəl* «вид орнамента» → *jāyələj* «пестрый» ~ *jayləj* «со звездочкой на лбу (о животных)»

• мн. *sim* «сердце» → *simij* ~ *səməj* «сердечный» – х. *səm* «сердце» → *səməj* «смелый», *səməj čop* «грудная часть корпуса человека или животного» – э. *s'ed'ej*, м. *s'ed'i* «сердце»

• х. *jurəq* «толк; смысл; разумение» → *jurqəj* «толковый; смысленный; сообразительный» – э. *jurok* «умение; способность; навык; сноровка; опыт» → э. д. *jurokoj*, э. л. *jurokov* «умелый; способный; опытный»

• мн. *pet* «ложь; обман; притворство» → *petij* «лживый»

• мн. Ø → *n'alij* ~ *n'oləj* «жадный; алчный» – э., м. *n'il-* (> *n'ilems* / *n'ilams* «проглотить»)

• мн. *sap* ~ *säp* «труха» → *sapij* ~ *säpəj* «трухлявый»

• х. *kač* ~ *kaš* «желание, хотение, настроение» → *kašəj* «веселый; жизнерадостный; увлекательный» – мн. *kas* ~ *käs* «желание; веселье; согласие» → *kasij* ~ *käsəj* «веселый» – э. *kes-* (> *kes'ams* «радоваться; веселиться»)

• мн. *kak* «парша; короста» → *kakij* «паршивый» – х. *kak* «парша; короста» → *kakəj* «паршивый; шелудивый»

• мн. *kant* «зло» → *kantij* «сердитый; злой»

5. Прилагательные от глагольных основ со значениями «испытывающий действие, названное производящей основой» или «исполняющий действие, названное производящей основой». В мордовских языках в таких соответствиях производящая основа сохраняется в других образованиях:

• х. *kəčūj* ~ *kəčəj* ~ *kəšūj* «больной, нездоровый» ← *kəčūytätä* ~ *kəšatta* «ушибить, повредить; ушибиться»; э. *keš-*, м. *kš-* (> э. *kešn'ams-*, м. *kšn'ams-* «чихать»)

• мн. *wol'kij* ~ *wol'kəj* «скользкий» ← *wol'kuŋkwe* «скользить» – э. *val-* (> *valan'a* «гладкий»)

• х. *n'irəj* «злой; упрямый; непоседливый» ← *n'irta* «корить; укорять; упрекать», мн. *kantij* «злой» ← *kant* «злость»

• х. *köllej* «пристань (место стоянки лодок на берегу реки)» ← *köləytä* ~ *köləyta* «заехать; пристать к берегу; подняться на берег» – э. *kel-* (> *kelems* «идти вброд»)

• х. *kürmeŋ* ~ *kürmäŋ* «быстрый на шаг; способный идти быстрым шагом» ← *kürnäytatä* «шагать; шагнуть»

• х. *küäŋ* «хмельной; крепкий (о напитке)» ← *kütt'ata* «опьянеть»

• х. *jisäŋ* «плаксивый» ← *jistä* «выть; плакать»

• х. *jasäŋ* ~ *jüsäŋ* «сказание» ← *jastata* «сказать; сообщить; говорить; рассказывать»

• х. *jasŋäŋ* «словоохотливый» ← *jasŋita* «носить; хулить за глаза; оговорить; оклеветать»

6. В ряде эрзянских говоров прилагательное с *-ŋ*-овым суффиксом реконструируется в отглагольных образованиях:

• э. д. *kel'eŋems*, э. л. *kel'emems*, м. *kel'emäms* «расшириться» (< **keleŋ* «широкий»)

• э. д. *načkoŋoms*, э. л. *načkomoms*, м. *načkatäms* «намокнуть» (< **načkoŋ* «мокрый; влажный»)

• э. д. *vid'eŋems*, э. л. *vid'emems*, м. *vid'ämäms* «выпрямиться; стать прямым» (< **vid'eŋ* «прямой»)

• э. д. *potoŋoms*, э. л. *potomoms*, м. *potämäms* «утихнуть; успокоиться» (< **potoŋ* «спокойный»)

• э. д. *vieŋems*, э. л. *viemems* «усилиться» (< **vieŋ* «сильный») и др.

7. В эрзянском языке (в некоторых говорах) суффикс *-ŋ* использован при образовании делительных числительных, в хантыйском и мансийском языках в этих случаях выступает *-ŋä* (х.), *-ŋ*, *iŋ* (мн.). Например:

• э. д. *n'il'eŋ* «на четыре (части)» ← *n'il'e* «четыре», э. л. *n'il'ev*, м. *n'il'ev* – мн. *n'ilaŋ*¹ «на четыре (части)» ← *n'ila* «четыре» – х. *naläŋä*² «на четыре (части)» ← *nalä* «четыре»

• э. д. *kolmoŋ* «на три (части)» ← э. *kolmo*, м. *kolma* «три», э., м. *kolmov* – мн. *xurämŋ* «на три (части)» ← *xuräm* «три»

• э. д. *kavtoŋ* «надвое; пополам» ← *kavto* «два», э. л. *kavtov*, м. *kaftäv* – х. *kitŋä* «надвое; пополам» ← *kit* «два» – мн. *kitiŋiŋ* «надвое; пополам» ← *kitiŋ* ~ *kit* «два»

• э. д. *kotoŋ* «на шесть (частей)» ← э. *koto*, м. *kota* «шесть», э. *kotov*, м. *kotäv* – х. *kuŋŋä* «на шесть (частей)» ← *kuŋ* «шесть» – мн. *xōtiŋ* «на шесть (частей)» ← *xōt* ~ *xot* «шесть» и др.

¹ Делительные числительные в мансийском языке образуются от количественных с помощью суффиксов *-ŋ* для основы на гласный, *-iŋ* – для основы на согласный [Ромбандеева, 1973. С. 95].

² В хантыйском языке при образовании этих же числительных используется суффикс *-ŋä* (для гласных и согласных основ) [Терешкин, 1981].

8. В мансийском языке *-ŋ*-овый суффикс обнаруживается как один из компонентов инфинитивного суффикса. Например:

• *lovin'taŋkwe* «читать» (э. *lovoms*, м. *luvoms* «читать; сосчитать»)

• *piluŋkwe* ~ *peŋ'ex* «бояться; трусить», х. *pälta* «бояться; опасаться» (э. *pelems* «бояться»)

• *toluŋkwe* «таять» (э., м. *solams* «таять»)

• *puruŋkwe* «кусать» (э. *poroms*, *poräms* «грызть; есть»)

• *ponuŋkwe* «сучить (нити из жил)», х. *pōntta* ~ *pōnälta* «сучить; вить; свивать» (э., м. *ponams* «вить; сучить»)

В приведенных выше соответствиях (особенно в пунктах 1, 2) в мокшанском языке рефлекс общего словообразовательного суффикса *-ŋ* реализуются в целом иначе, чем в эрзянском языке. Сходным образом развитие протекало лишь когда перед суффиксом *-ŋ* оказывался гласный *a* – в этих случаях как в эрзянском, так и в мокшанском вместо *-ŋ* выступает суффикс *-v*. Ср.: э. *tolgav*, м. *tolgav* «в перьях, оперившийся». Во всех других случаях в мокшанском языке вместо словообразовательного суффикса *-ŋ* выступают суффиксы *-u* или *-i*.

Что является причиной замены прамордовского суффикса *-ŋ* суффиксами *-u* или *-i*? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к эрзянским говорам, сохранившим особенности мокшанского языка. В этих говорах произношение гласного *u* вместо *i* характерно для определенной группы слов. Обратим внимание на такие случаи, как *t'ikšuv* (м. *t'išu*) «травянистый», *vir'uv* (м. *vir'u*) «лесистый», где мокшанскому *u* или *i* соответствуют также эти звуки. Ср.: м. *vir'u* (< **vir'uv* «лесистый»), *ved'u* (< *ved'uv* «водянистый»). Переход **i* в *u* в мокшанском языке есть результат замены общемордовского *ŋ* другими согласными. Дело обстояло так, что этот носовой согласный в конце слова заменился двумя звуками:

а) если в соседстве были гласные переднего ряда, то *ŋ* под влиянием предыдущего гласного терял нозальность и переходил в *i*: **vir'iŋ* > **vir'ij* > *vir'i* «в лес»;

б) если этому звуку предшествовал лабиализованный гласный, то *ŋ* под влиянием предшествующего гласного стал произноситься в виде звука *v*: **lovŋ* > **lovuv* > *lovu* «снежный». Однако такая позиционная замена *ŋ* впоследствии в мокшанском языке стала нарушаться. Произошло обобщение, обязанное действию аналогии, в пользу *v* за счет *j*. Так, под воздействием форм **kuduv* (< **kuduŋ* «в дом»), **lovuv* (< **lovuŋ* «снежный») появляются формы типа **vir'iv* (< **vir'iŋ*

«лесистый»), **vel'iv* (< * *vel'ij* «в село»). Примечательно, что такие сдвиги отмечаются в мокшанском языке лишь в словах со значением «обладающий чем-либо», тогда как в лативных формах «по направлению к чему, куда» обобщение в пользу *v* не происходит. Сравните:

а) * *vir'ij* > **vir'ij* > **vir'iv* > *vir'iu* «лесистый» (современная форма)

**ver'ij* > * *ver'ij* > * *ver'iv* > *ver'u* «кровавый, кровянистый» (современная форма)

**t'išij* > **t'išij* > * *t'išiv* > *t'išu* «травянистый» (современная форма)

б) * *vir'ij* > **vir'ij* > **vir'iv* > *vir'i* «в лес» (современная форма)

**vel'ij* > **vil'ij* > **vil'iv* > *vil'i* «в село» (современная форма)

**pir'ij* > **pir'ij* > **pir'iv* > *pir'i* «в огород» (современная форма)

Словоформы в группе «б» (со значением направления) не подверглись обобщению, очевидно, по семантическим причинам. Если бы сдвиг захватил словоформы группы «б», то в мокшанском языке образовывалось бы значительное количество морфологических омонимов, препятствующих точному пониманию смысла словоформы.

Появление суффикса *-v* вместо ожидаемого *-j* в прилагательных, имеющих значение «обладающий чем-либо», вызвало такое фонетическое явление, когда гласная переднего образования *i* под влиянием последующего вновь возникшего губного согласного переходит в *u* – гласную фонему заднего ряда. Это передвижение обусловлено тем, что артикуляция гласного *i* стала полностью сливаться с артикуляцией последующего согласного *v*, являющегося словообразовательным суффиксом; произошла регрессивная губная ассимиляция. Передвижку гласного *i* в *u* можно представить в такой последовательности: **ij* > **ij* > * *iv* > * *uv* > * *uu* > *u* (**kevij* > * *kevij* > * *keviv* > * *kevuv* > * *kevu* > * *kevu* «каменистый»).

Как видно из примеров, передвижка гласного *i* в *u* в свою очередь явилась причиной и условием изменения словообразовательного суффикса *-v*. Последний, находясь после лабиализованного гласного, оказывается неслоговым гласным рядом со слоговым. В результате в рассматриваемых примерах возникали два близких по образованию звука, и один из них (конечный *u*) уподобляется предшествующему гласному полного образования. Поэтому вместо ожидаемых словоформ *ved'uv*, *ver'uv* в мокшанском языке стали возможными формы слов *ved'u*, *ver'u* и т. д. Такая причина появления гласного *u*, выполняющего роль словообразовательного суффикса *-v* в приведенных словоформах.

Обращение к эрзянским говорам, сохранившим особенности мокшанского языка, убеждает в том, что гласный *u* (< **i*) в качестве суффикса в словах типа *ver'uv*, *pir'uv* и т. п. представляет собой не что иное, как наследие мокшанского языка, который, несмотря на более чем трехсотлетнее существование в эрзянском окружении, хорошо сохранился, оказав упорное сопротивление влиянию других говоров. При этом передвижение гласного *i* в *u* захватывает и лативные формы. Например:

а) * *vir'ij* > **vir'ij* > **vir'iv* > *vir'uv* «лесистый; в лес», м. *vir'u* «лесистый», *vir'i* «в лес»;

б) * *ver'ij* > **ver'ij* > **ver'iv* > *ver'uv* «кровавый; кровянистый», м. *ver'u* «кровавый»;

в) * *kuduj* > *kuduv* «в дом; домой», м. *kudu* «в дом; домой», э. л. *kuduv*, э. д. *kuduj* «в дом; домой».

Итак, словообразовательный суффикс с уральскими истоками проявляет свою значительную продуктивность в обско-угорских языках. Убедительны его словообразовательные возможности и в волжских языках.

Список сокращений:

- м. – мокшанский
- мн. – мансийский
- мр. – марийский
- см. (К) – саамский (кильдинский диалект)
- уд. д. – удмуртский диалектный
- ф.-у. – финно-угорский
- х. – хантыйский
- э. – эрзянский
- э. д. – эрзянский диалектный
- э. л. – эрзянский литературный

Литература

Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ижевск: Изд. дом «Удмурт. ун-т», 2003. 184 с.

Керт Г. М. Саамский язык (кильдинский диалект). Л.: Наука, 1971. 349 с.

Краткий грамматический очерк вепсского языка // Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. С. 731.

Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Ч. 1. Введение. Фонетика. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. С. 109–110.

Марийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. 863 с.

Марков Ф. П. Приалатырский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1961. С. 7–99.

Основы финно-угорского языкознания. М.: Наука, 1974. Т. 1. С. 37–38.

Ромбандеева Е. И. Мансийский (Вогульский) язык. М.: Наука, 1973. 203 с.

Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 540 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Цыганкин Дмитрий Васильевич

профессор кафедры эрзянского языка, д. фил. н.
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева
ул. Большевистская, д. 68, г. Саранск,
Республика Мордовия, Россия, 430005
эл. почта: cygankin@yandex.ru

Tsygankin, Dmitry

State University of Mordovia
68 Bolshevistskaya St., 430005 Saransk,
Republic of Mordovia, Russia
e-mail: cygankin@yandex.ru